

W $\frac{232}{396}$

1-2.

W 232
396

111-12663

МЫСЛИ

0

НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Что сдѣлало Европу первую страню въ мірѣ? Что доставило ей колоссальное могущество, растущее, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ?—Наука.

Гдѣ источникъ, сокровищница и опора науки? Въ университетахъ по-преимуществу.

Отсюда является важное значеніе университетовъ для каждой европейской націи. Съ цвѣтущимъ состояніемъ ихъ неразрывно соединяется процвѣтаніе самаго государства; упадокъ ихъ необходимо отражается и на дѣятельности общественной. Въ-виду такой аксіомы становится понятнымъ, почему вопросъ о нашихъ университетахъ, поднятый недавно, занимаетъ такъ-сильно общественное мнѣніе, почему правильное рѣшеніе его составляетъ предметъ первостепенной важности,

1

2007079074

особенно въ настоящее время, когда многіе даже мыслящіе люди, по-поводу послѣднихъ университетскихъ происшествій, увлекшись личными своими взглядами, рѣшаются утверждать, что наши молодые университеты, едва начавшіе свою жизнь, уже сгнили, и что, поэтому, необходимо безъ всякаго замедленія приступить къ коренной реформѣ этихъ высшихъ разсадниковъ науки.

Но какъ должна быть произведена, и въ чемъ должна состоять подобная реформа? Одни говорятъ, что нужно усилить значеніе университетской корпораціи, другіе — напротивъ, что нужно совершенно уничтожить корпоративное устройство университетовъ; наконецъ, третьи, оставляя корпорацію въ настоящемъ ея видѣ, предлагаютъ связать ея дѣятельность строгими дисциплинарными мѣрами, сдѣлать изъ университетовъ школы, со всѣми атрибутами, сопровождающими школьное устройство.

Осуществленіе каждаго изъ этихъ предположеній такъ-важно по своимъ послѣдствіямъ, что мы рѣшаемся, по-поводу ихъ, высказать нѣсколько мыслей.

Составляютъ ли наши университеты корпораціи, и должны ли они остаться при корпоративномъ устройствѣ?

Университеты наши всѣ, безъ исключенія, устроены по образцу германскихъ, а потому, дѣйствительно, имѣютъ характеръ корпоративный, измѣненный, впрочемъ, по нашимъ потребностямъ. Каждый университетъ нашъ представляетъ двѣ

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№ описки и архивный
2	2	1-2				117	1957 г. 9
						820	

19/2 100000

отдѣльныя корпораціи: профессоровъ и студентовъ.

Связью профессорской корпораціи, по уставу 1835 года, служатъ одинаковыя права и преимущества службы, одинаковость условий для вступленія въ корпорацію, коллегіальное рѣшеніе дѣлъ въ факультетскихъ собраніяхъ и совѣтѣ, и особыя привилегіи, принадлежащія университету, какъ ученой корпораціи.

Студентская корпорація, по тому же уставу, основывается также на одинаковости условий, требуемыхъ для полученія званія студента, для успѣшнаго прохожденія курса и для пріобрѣтенія ученой степени, на одинаковости правъ, преимуществъ и даже одежды, и на одинаковомъ подчиненіи студентовъ университетской полиціи какъ въ самомъ зданіи университета, такъ и внѣ университета. *)

Единственною связью между тою и другою корпораціею, т.-е профессорскою и студентскою, служатъ научныя интересы. Затѣмъ, внѣ этихъ корпорацій, какъ нѣчто постороннее, стоитъ университетская полиція, состоящая не изъ членовъ, принадлежащихъ къ учебному сословію университета.

Мы позволяемъ себѣ эти подробности о корпораціи университетской потому, что, иначе, невозможно, какъ видно будетъ изъ слѣдующаго изло-

*) Мы не включаемъ сюда дерптскаго университета, гдѣ студентская корпорація ближе прочихъ нашихъ университетовъ подходитъ къ германскимъ.

женія, рѣшить вопросъ, должны ли университеты наши остаться при корпоративномъ устройствѣ. Сдѣлавъ эту оговорку, будемъ продолжать далѣе, и начнемъ съ профессорской корпораціи. Слѣдуетъ ли уничтожить ее? Нѣтъ, положительно нѣтъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сила науки заключается въ хорошихъ профессорахъ; но каковъ бы ни былъ профессоръ самъ-по-себѣ, отдѣльно взятый, онъ не можетъ ни служить достаточной опорой для науки, ни быть достойнымъ, независимымъ проводникомъ ея. Только полное собраніе ученыхъ, взаимно дополняющихъ другъ-друга, подвергающихся взаимному контролю, дѣйствующихъ по одному, обща обдуманному плану, можетъ доставить наукѣ и достаточную гарантію отъ всѣхъ виѣшнихъ вліяній, и сообщить ей чистый блескъ истины. Съ этой точки зрѣнія, для насъ ясна, какъ божій день, необходимость сохранить во всей силѣ настоящую корпорацію профессоровъ, или, иначе, университетъ, изъ высшаго храма науки, сдѣлается мѣстомъ публичныхъ популярныхъ курсовъ, неимѣющихъ между собою никакой связи — и наука, лишенная стройнаго развитія, обратится въ орудіе для потѣхи праздної толпы, или въ средство доставлять популярность недоучившимся говорунамъ. Мы не хотимъ этимъ возставать противъ публичныхъ популярныхъ курсовъ: и они могутъ быть полезны въ извѣстной степени и для извѣстной публики, но не могутъ, ни въ-какомъ-случаѣ, замѣнить собою дѣятельности профессорской корпораціи университетовъ.

Другое дѣло корпорація студентская. Дѣйствительно ли развитіе ея нужно для благосостоянія университетовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и точно ли ослабленію ея, сдѣланному въ послѣднее время, слѣдуетъ приписать тѣ прискорбныя явленія въ нашихъ университетахъ, свидѣтелями которыхъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы были еще такъ-недавно. Разсмотримъ ближе этотъ вопросъ, заслуживающій, по нашему мнѣнію, полного вниманія.

Студентская корпорація, какъ мы уже выше замѣтили, заимствована нашими университетами изъ Германіи. Будучи обязана тамъ, въ-началѣ, своимъ существованіемъ необходимости самообороны отъ внѣшнихъ вліяній, она, вмѣстѣ съ профессорскою корпораціею, представляла собою какъ-бы государство въ государствѣ; впослѣдствіи, съ развитіемъ государственнаго устройства, съ лучшимъ обезпеченіемъ личности каждаго гражданина, первоначальная цѣль студентской корпораціи утратилась, и замѣнилась другою: она приняла характеръ воспитательный. Характеръ этотъ, по уставу 1835 года, имѣетъ студентская корпорація и въ нашихъ университетахъ. Поэтому, защитники корпоративнаго устройства совершенно-логически считаютъ университеты учебно-воспитательными заведеніями. Мы, съ своей стороны, также признаемъ главною цѣлію университетскаго ученія — воспитаніе, но расходимся лишь въ средствахъ, ведущихъ къ достиженію этой цѣли. По нашему мнѣнію, сила воспитательная должна за-

ключаться почти исключительно въ наукѣ; сторонники студентской корпораціи, въ видахъ воспитательныхъ, независимо отъ науки, считаютъ необходимымъ еще надзоръ университетскаго начальства за студентами не только въ стѣнахъ университета, что мы также признаемъ необходимымъ, но и внѣ университета, что, по нашему мнѣнію, рѣшительно-невозможно.

Наконецъ, мы не можемъ согласиться съ приверженцами корпораціи въ самомъ способѣ изученія науки студентами. По мнѣнію ихъ, необходимо удерживать въ университетахъ принужденное учение, съ приемными и переводными экзаменами и съ обязательнымъ посѣщеніемъ лекцій. Мы же держимся за свободное учение наукамъ, и считаемъ всякое принужденіе и обязательность несовмѣстными съ достоинствомъ университетской науки, въ чемъ, впрочемъ, согласны съ нами и нѣкоторые изъ сторонниковъ корпораціи.

Разовьемъ всѣ эти положенія.

Противники наши не спорятъ о томъ, что наука должна стоять въ университетѣ на первомъ планѣ—да объ этомъ и спорить нельзя; но они говорятъ, что студента невозможно замкнуть въ тѣсный кругъ однихъ научныхъ интересовъ, что молодые люди, воспитывающіеся въ университетѣ, живя въ обществѣ, неизбежно подчиняются его вліянію, и что, поэтому, необходимо предоставить имъ свободу сходитьса вмѣстѣ, чтобы цѣлою корпораціею обсуживать какъ научные, такъ и разные другіе вопросы, относящіеся къ ихъ быту, и

что въ такого рода разсужденіяхъ и диспутахъ развивается ихъ мыслительность, и образуется самостоятельность сужденія. Такъ ли это дѣйствительно? Такова ли задача студента? По нашему мнѣнію, нѣтъ. Студентъ, какъ показываетъ самое названіе его, долженъ посвятить себя всецѣло изученію науки, или, иначе, онъ уклонится отъ своего назначенія. Дѣло его изучать науку по профессорскимъ лекціямъ и тѣмъ источникамъ, которые будутъ ему указаны профессоромъ, или отысканы имъ самимъ; а сколько на все это нужно доброй воли и усидчивости! До того ли ему, чтобы тратить дорогое время на предметы, чуждые его занятіямъ. Мы и безъ-того страдаемъ недостаткомъ знаній, а потому учиться, учиться и учиться — вотъ, что должно быть девизомъ нашихъ студентовъ. Только при этомъ условіи они могутъ сдѣлаться, впоследствии, полезными дѣятелями, и приобрѣсти себѣ, по-праву, общественное уваженіе. Намъ возразятъ на это, что для пользы самой науки необходимо студентамъ сходиться и обсуждать вмѣстѣ изучаемые ими предметы. Но кто же и мѣшаетъ имъ сходиться; мы, напротивъ, думаемъ, что отдѣльные кружки будутъ всегда существовать между людьми, имѣющими однородныя занятія. Такіе кружки составляются не по однимъ только научнымъ, но по артистическимъ, благотворительнымъ и разнымъ другимъ цѣлямъ. Такъ, въ санктпетербургскомъ университетѣ, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, студенты—любители музыки составляли музыкальный кружокъ, дававшій публичные концерты,

сборъ съ которыхъ обращался въ пользу бѣдныхъ студентовъ; съ такою же благотворительною цѣлью, позже, образовался между студентами того же университета литературный кружокъ, издававшій сборникъ изъ студентскихъ трудовъ; такъ соединяются между собою въ небольшіе кружки, по разнымъ побужденіямъ, какъ-то: по однородности занятій, по взаимной симпатіи, по единству происхождения и т. п., студенты всѣхъ нашихъ университетовъ. Но отдѣльные кружки не то, что корпорація: каждый членъ кружка вступаетъ въ него свободно, съ опредѣленною цѣлью; такъ-же свободно онъ и оставляетъ кружокъ, если цѣль, съ которою онъ вступилъ, не достигается въ немъ. Въ корпораціи же, какъ въ юридической единицѣ, имѣющей общія всѣмъ права и обязанности, каждый членъ порабощается общему духу; въ ней люди различныхъ мнѣній обязываются къ одинаковымъ дѣйствіямъ, преслѣдованіе одного члена возбуждаетъ противодѣйствіе всей массы, оскорбленіе, причиненное одному, принимается всѣми. Отсюда въ обширныхъ студентскихъ корпораціяхъ необходимо возникаютъ столкновенія съ лицами, не принадлежащими къ нимъ, и съ разными мѣстными властями, и въ самыхъ корпораціяхъ, безъ руководителей, въ которыхъ всегда будетъ недостатокъ, являются всѣ элементы раздора между членами, ихъ составляющими. За доказательствами этой истины ходить недалеко. По этимъ причинамъ, мы вполне сочувствуемъ мѣрамъ, принятымъ у насъ въ послѣдніе годы, къ

ослабленію студентской корпораціи и заключавшимся въ подчиненіи студентовъ, внѣ университета, общей полиціи, въ сокращеніи переводныхъ испытаній и въ уничтоженіи форменной одежды студентовъ; но находимъ, однако, что слѣдовало бы теперь и совсѣмъ порѣшить дѣло съ корпораціею студентскою, уничтоживъ въ университетахъ все испытанія, кромѣ испытаній на ученія степени, и сдѣлавъ университетъ открытымъ для всѣхъ учебнымъ заведеніемъ. Но чтобы выяснитъ нашу мысль во всей полнотѣ, мы должны отвѣтить прежде на дальнѣйшія возраженія, которыя уже готовятъ намъ защитники студентской корпораціи.

Не въ корпораціи, говорятъ они, источникъ зла, а въ томъ, что, *во-первыхъ*, университетское начальство отказалось отъ покровительства студентамъ, нуждающимся еще, по молодости лѣтъ, въ опекѣ, и отъ руководства ими внѣ университетскихъ стѣнъ, и *во-вторыхъ*, въ слабости надзора за правильнымъ посѣщеніемъ студентами профессорскихъ лекцій и въ ослабленіи значенія приемныхъ и переводныхъ испытаній.

При всемъ уваженіи нашемъ ко многимъ изъ лицъ, раздѣляющихъ подобныя взгляды, мы никакъ не можемъ согласиться съ ними, по слѣдующимъ причинамъ:

Не только въ столичныхъ университетахъ, имѣющихъ огромное число слушателей, но и въ провинціальныхъ, едвали есть какая-либо физическая возможность, для университетской полиціи, состо-

ящей изъ инспектора и трехъ-четырехъ его помощниковъ, наблюдать за поступками студентовъ, разбѣянныхъ по всѣмъ концамъ города. Да и въ чемъ долженъ заключаться здѣсь надзоръ? Въ бѣгломъ обзорѣ разъ въ годъ квартиры студента (а чаще нельзя). Какія данныя для сужденія о студентѣ можно извлечь изъ подобнаго наблюденія? Конечно, самыя-жалкія и, что еще-хуже, пожалуй, невѣрныя.

Притомъ, не безъ основанія замѣчаютъ нѣкоторые, что инспекторъ и его помощники, какъ лица, непринадлежащія къ учебному университетскому сословію, поставлены здѣсь въ ложную и несвойственную имъ роль воспитателей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судей. Но положимъ, что должность инспектора будетъ возложена на кого-либо изъ профессоровъ, и изъ среды профессорской будетъ образованъ судъ, на обязанности котораго будетъ лежать не только изслѣдованіе проступковъ, совершаемыхъ студентами въ университетѣ и внѣ университета, но и опредѣленіе исправительныхъ наказаній за эти проступки.

Въ-такомъ-случаѣ, профессоръ-инспекторъ сдѣлается непременно дурнымъ профессоромъ, потому-что ему, при обязанности такого широкаго надзора за студентами, нѣкогда будетъ заниматься наукой; а въ дѣлѣ науки кто не идетъ впередъ, тотъ отступаетъ назадъ.

Далѣе, и самый судъ профессоровъ, при такой программѣ, ему задаваемой, будетъ заваленъ работою и, главное, войдетъ, по дѣламъ студентскимъ

внѣ университета, въ нескончаемую тяжбу съ посторонними вѣдомствами. Но можетъ, конечно, случиться и другое, т.-е. дѣлъ почти вовсе не будетъ, если мѣстныя полицейскія власти, во избѣжаніе скандала и споровъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ проступки студентовъ. Въ-такомъ-случаѣ, судъ профессорскій, въ качествѣ грозы надъ студентами, за дѣйствія ихъ внѣ университета, останется одною только формальностію, безъ всякаго воспитательнаго вліянія на молодыхъ людей. Однимъ-словомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о надзорѣ за студентами внѣ университета, онъ кажется намъ одною формальностію, неосуществимою на дѣлѣ.

По этимъ причинамъ, а не по эгоизму, какъ думаютъ нѣкоторые, весьма-благонамѣренныя и просвѣщенные люди, университетъ долженъ отказаться отъ мысли имѣть надзоръ за студентами, съ соразмѣрною ему отвѣтственности за нихъ внѣ университета, и ограничиться воспитаніемъ своихъ слушателей посредствомъ науки, и надзоромъ за ними только въ стѣнахъ университета. Такой надзоръ, состоящій въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ и благочиніемъ въ самомъ университетѣ, дѣйствительно, лучше всего было бы поручать одному изъ профессоровъ, по избранію совѣта.

Скажутъ, что при устраненіи университетскаго начальства отъ наблюденія за студентами внѣ университета, можетъ иногда пострадать невинно какой-нибудь бѣдный студентъ; но зато, въ боль-

шей части случаевъ, студенты, лишенные возможности становиться подъ защиту цѣлой корпораціи, будутъ вести себя осторожнѣе внѣ университета, и избѣгать столкновеній съ мѣстными полицейскими властями. Вѣдь студенты хоть и молодые люди, но уже не дѣти, и пусть же они, какъ и всѣ граждане, изъ самой жизни почерпаютъ для себя нравственные уроки. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка будутъ уменьшеніе студенческихъ исторій внѣ университета, развитіе бѣльшей самостоятельности характера молодыхъ людей, предоставленныхъ самимъ-себѣ, и образованіе въ нихъ доброй воли, составляющее одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія.

Намъ возразятъ, что студенты, при такомъ порядкѣ, могутъ предаться праздности, подвергнувшись неразлучнымъ съ ней послѣдствіямъ, и перестанутъ, пожалуй, посѣщать университетскія лекціи.

Можетъ-быть, съ нѣкоторыми и будетъ такъ; но должна ли отвѣтственность за это падать на университетское начальство, если оно не имѣетъ возможности, даже и при надзорѣ за студентами, достаточно повѣрять ихъ въ этомъ отношеніи. Все, что профессора могутъ тутъ сдѣлать—это внушить молодымъ людямъ любовь къ наукѣ, хорошимъ чтеніемъ лекцій, а если они не успѣютъ или не сѣумѣютъ этого сдѣлать, то всѣ принудительныя мѣры напрасны. Вообще, мы думаемъ, что обязательное посѣщеніе лекцій студентами не приведетъ къ желаемой

пѣли. Студентъ, пришедшій противъ воли въ аудиторію, мало, или даже ничего изъ нея не вынесетъ, а профессоръ, наполняющій такимъ путемъ свою аудиторію, легко облѣгчается, зная, что какъ бы онъ ни читалъ свой предметъ, у него всегда будутъ обязанные слушатели. Не страдать ли отъ такого положенія вещей наука? Если же слушатели теряютъ, наконецъ, терпѣніе и выразятъ порицаніе профессору, то не будутъ ли страдать отъ этого дисциплина и молодые люди, позволившіе себѣ увлечься и сойти съ законнаго пути. Не проще ли, поэтому, и не выгоднѣе ли для всѣхъ уничтожить всякую обязательность посѣщенія лекцій. Тогда въ аудиторію пойдутъ только тѣ, которые хотятъ учиться, и худой профессоръ, оставшись безъ слушателей, по-неволѣ долженъ будетъ уступить свое мѣсто болѣе-дѣятельному и болѣе-способному. Мы слышали, по этому поводу, такое мнѣніе, что молодые люди, даже и въ студентскомъ возрастѣ, никогда не будутъ учиться добровольно, и что по этому, если уничтожить обязательность, то аудиторіи останутся пустыми. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ, на основаніи собственнаго опыта и наблюденія: между молодежью нашею, и не только нашею, но и вездѣ, много найдется людей, вполне-преданныхъ интересамъ науки и, ради любви къ ней, переносящихъ даже тяжкія лишенія. Попробуйте повѣрить этотъ фактъ въ любомъ университетскомъ городѣ, и вы убѣдитесь въ томъ. Такіе люди всегда пойдутъ на лекціи; будутъ чаще ходить и многіе другіе, кото-

рыхъ можно обвинять теперь въ лѣности, если университеты наши усовершенствуются въ-отношеніи личнаго состава профессоровъ, если всѣ профессора будутъ носить не по имени только это высокое званіе. Пусть укажутъ намъ, въ настоящее время, хоть одного хорошаго профессора, у котораго бы не было слушателей, и тогда только мы готовы согласиться, что молодежь наша равнодушна къ ученью. Въ германскихъ университетахъ, правда, каждый профессоръ, по окончаніи семестра, отмѣчаетъ въ матрикулѣ студента, его слушавшаго, исправность посѣщенія имъ лекцій. Но такая отмѣтка служитъ лишь свидѣтельствомъ профессора о студентѣ, и отнюдь не имѣетъ характера принудительнаго, потому-что отъ самого студента зависитъ выборъ, какого профессора ему слушать и въ какое время, или и вовсе не слушать. Притомъ же исполненіе этого правила составляетъ и тамъ одну только формальность.

А переводные экзамены, а страхъ исключенія изъ университета, скажутъ намъ, развѣ не заставятъ лѣнивыхъ студентовъ заниматься наукой? а строгія пріемныя испытанія развѣ не представляютъ достаточнаго обезпеченія въ зрѣлости и развитости университетскихъ слушателей?

Отвѣтимъ на эти возраженія.

Строгіе пріемные экзамены изъ предметовъ цѣлаго гимназическаго курса закроютъ двери университета для многихъ, даже и развитыхъ людей, что уменьшило бы вліяніе университета на общественное воспитаніе. Неудобство это давно уже

чувствовалось, а потому уже съ 1844 года въ наши университеты допускаются вольнослушающіе, необязанные подвергаться приѣмнымъ испытаніямъ. Что отъ этого произошла только прямая польза, показалъ продолжительный опытъ. Многіе изъ вольнослушающихъ съ-тѣхъ-поръ приобрѣли ученые степени и, потомъ, своею общественною дѣятельностію оправдали довѣріе къ ихъ доброй волѣ и способностямъ.

Притомъ, приѣмные экзамены, служащіе удосто-вѣреніемъ, что поступающіе въ университетъ знаютъ гимназическій курсъ — не дѣло университетовъ, а гимназій, которыя лучше понимаютъ требованія гимназическаго курса, и больше имѣютъ времени производить эти испытанія съ должною основательностію. Вмѣсто-того, чтобы одному профессору, необучавшему никогда въ гимназій, экзаменовать 300 человѣкъ, не лучше ли будетъ, если эти 300 человѣкъ проэкзаменуются въ 20-ти гимназіяхъ. Вѣдь и въ Германіи, въ отечествѣ педагогики, университеты не занимаются приѣмными испытаніями, а дѣло это предоставляется гимназіямъ. Мы предвидимъ уже на это возраженіе, что наши гимназіи стоятъ гораздо-ниже германскихъ, а потому не имѣютъ права на такое довѣріе. Согласны, что такъ; но думаемъ, однако, что мы не можемъ не довѣрять имъ, а должны довольствоваться своимъ маленькимъ капиталомъ, если у насъ нѣтъ большаго, и стараться только о приращеніи его. Когда поднимутся университеты, составляющіе

нашъ основной умственный капиталъ, то неизбежно за ними возвысятся и гимназіи.

Недовѣрчивость къ послѣднимъ, относительно оцѣнки воспитанія, кажется намъ неумѣстной и потому, что мы, въ то же время, довѣряемъ гимназіямъ болѣе-существенное, то-есть самое воспитаніе.

Да, наконецъ, и нужны ли вообще пріемные экзамены для благосостоянія университетовъ?

Въ Германіи, отъ поступающихъ въ университетъ требуется гимназическій аттестатъ; но посѣщеніе лекцій не воспрещается и всѣмъ прочимъ, неимѣющимъ такого аттестата; у насъ, кромѣ студентовъ, есть и вольнослушающіе и, какъ мы уже замѣтили выше, изъ этого выходитъ одно только доброе. Опасаться, что съ уничтоженіемъ требованія гимназическаго образованія отъ посѣтителей лекцій, университеты наполнятся недозрѣлыми слушателями, нѣчего: стѣдитъ лишь усилить строгость испытаній на ученныя степени, и допустить къ этимъ испытаніямъ только имѣющихъ аттестатъ о знаніи полнаго гимназическаго курса. Тогда всякій, до поступленія еще въ университетъ, позаботится о пріобрѣтеніи общаго гимназическаго образованія, уровень котораго не только не понизится чрезъ это, какъ думаютъ нѣкоторые, но еще и возвысится, потому-что, при болѣе-свободѣ поступать въ университетъ, число желающихъ посѣщать университетскія лекціи несомнѣнно, увеличится, и, слѣдовательно, учащіеся въ гимназіяхъ будутъ имѣть еще болѣе побужденій къ прилежному занятію науками. То, что чув-

ствуешь Западная Европа, но на что она не может еще рѣшиться, связанная старыми формами, то может сдѣлать Россія, несвязанная вѣковыми преданіями. Притомъ же, нельзя не разсчитывать и на то обстоятельство, что неприготовленный къ слушанію университетскаго курса самъ скоро это почувствуетъ и, отъ скуки, прекратитъ посѣщеніе лекцій, тѣмъ-болѣе, что, при уничтоженіи корпорации, для подобныхъ лицъ прекратится уже возможность найти для себя въ университетѣ какую бы то ни было дѣятельность. Мы слышали отъ нѣкоторыхъ профессоровъ, что свободное допущеніе на лекціи всѣхъ лицъ, безъ различія, лишитъ профессора возможности излагать науку съ подобающимъ ей достоинствомъ, что масса слушателей разнаго образованія поставитъ профессора въ затрудненіе, увлечетъ его на ложную дорогу—искательства популярности. Мы не думаемъ, чтобы это могло быть такъ. Профессоръ, и при такой обстановкѣ, долженъ имѣть въ-виду только слушателей, знающихъ гимназическій курсъ и, слѣдовательно, приготовленныхъ (а такіе всегда найдутся), и отнюдь не принаравливаться къ прочимъ. Кто изъ слушателей не будетъ понимать его, тотъ можетъ удалиться и, навѣрно, удалится.

Признавая, такимъ-образомъ, пріемныя испытанія излишними и только затрудняющими входъ въ университетъ для многихъ, мы находимъ рѣшительно бесполезными и переходные экзамены. Что они такое въ-сущности? Принудительная мѣра къ ученію; въ этомъ опредѣленіи ихъ и заклю-

чается ихъ смертный приговоръ. Всякое принужденное ученіе, въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся студенты, бесплодно; оно производитъ только такъ-называемыхъ, на школьномъ языкѣ, зубрилъ, но никогда ни настоящихъ ученыхъ, ни даже людей, усвоившихъ себѣ основательно какія-либо знанія. Переводные экзамены, между прочимъ, объясняютъ намъ возможность существованія такихъ людей, въ которыхъ, несмотря на окончаніе ими курса въ университетѣ, не осталось даже и слѣда университетскаго образованія. Одно только свободное изученіе науки плодотворно и достойно университета; въ Германіи давно понимаютъ эту истину, и потому въ тамошнихъ университетахъ нѣтъ переводныхъ испытаний, а существуютъ только испытанія на ученые степени, которыя одни только и должны остаться и въ нашихъ университетахъ. Это уже не принудительная мѣра, а цѣль, которую должны имѣть въ виду каждый слушатель лекцій, заявленіе предъ университетомъ и обществомъ, что наука принесла плоды изучавшему ее.

Если переводные экзамены, по принудительному своему характеру, несовмѣстны съ духомъ университетскаго ученія, то, съ другой стороны, и какъ принудительная мѣра они не достигаютъ своей цѣли, особенно въ многочисленныхъ университетахъ. Возможно ли профессору произвести строгое испытаніе тремъ стамъ, напримѣръ, студентамъ въ одинъ или въ два дня? Если онъ будетъ удѣлять на это, въ теченіе двухъ дней, въ

каждый день по пяти часовъ, при полномъ вниманіи (а больше нельзя), то на каждого экзаменующагося придется только по двѣ минуты. Спрашивается, къ чему послужить такой экзаменъ? не будетъ ли онъ пустою формою, при которой и совершенно-слабые будутъ легко переходить въ слѣдующіе курсы? Если же на переводныя испытанія назначать столько времени, сколько нужно, то въ такомъ случаѣ пришлось бы двѣ трети годичнаго курса употреблять на одни только экзамены (что легко доказать), и затѣмъ, у профессоровъ не осталось бы времени на самое существенное, т.-е. на чтеніе курсовъ. Нѣкоторые предполагаютъ, частію для устраненія этого неудобства, частію въ-видахъ усиленія строгости испытаній, учредить особыхъ экзаменаторовъ, не изъ профессоровъ; но для осуществленія такого плана у насъ нѣтъ, во-первыхъ, достаточнаго числа ученыхъ — такъ-какъ и при замѣщеніи наличныхъ профессорскихъ кафедръ встрѣчаются неодолимые затрудненія; во-вторыхъ, такое учрежденіе было бы нескончаемымъ источникомъ столкновеній между профессорами и экзаменаторами; въ-третьихъ, и такимъ экзаменаторамъ нужно было бы столько же времени на испытанія, какъ и профессорамъ, т.-е. двѣ трети учебнаго года, и наконецъ, въ четвертыхъ, всё это потребовало бы, безъ всякой пользы, затраты огромныхъ суммъ.

Наконецъ, ошибаются, какъ мы позволяемъ себѣ думать и тѣ, которые видятъ въ переводныхъ испытаніяхъ не принудительную мѣру къ уче-

нію, а только способъ повѣрки профессорами занятій студентовъ. Какова эта повѣрка, мы показали выше; но это — и не повѣрка, а принудительная мѣра, потому что она сопровождается выставленіемъ отмѣтокъ, за отвѣты, и соединеннымъ съ нимъ переходомъ въ другой курсъ, или оставленіемъ въ томъ же курсѣ. Противъ пользы повѣрки, но повѣрки дѣйствительной, имѣющей цѣлью разъясненіе студентамъ изложенной науки, мы не споримъ, а потому полагаемъ, что каждый профессоръ, независимо отъ чтенія лекцій по своему предмету, обязанъ быть еще руководителемъ своихъ слушателей въ ихъ занятіяхъ, время-от-времени, въ особенныхъ бесѣдахъ, повторять съ ними пройденное, предлагать задачи, относяціяся къ предмету преподаванія, и помогать въ ихъ разрѣшеніи; но, разумѣется, что при всемъ этомъ не должно быть и помину ни о какихъ отмѣткахъ.

Такимъ-образомъ, по нашему мнѣнію, для блага университетовъ было бы необходимо уничтожить пріемныя испытанія и соединенныя съ ними сособенныя права студентовъ, съ особенною, форменною одеждою, переводныя испытанія изъ курса въ курсъ и подчиненіе студентовъ университетской полиціи и вѣѣ университета. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, какъ сказано выше, уже приведены въ исполненіе; остается довершить начатое, и тогда студентская корпорація, въ смыслѣ юридической единицы, сама-собою ослабѣетъ, и почти совершенно исчезнетъ и самое названіе — студентъ — съ которымъ не будетъ соединяться

никихъ особенныхъ правъ, замѣнится названіемъ — слушатель. Остающаяся, за тѣмъ, у слушателей однородность занятій не можетъ скрѣпить ихъ въ корпорацію: она произведетъ только отдѣльные кружки, пользу которыхъ мы выполнѣ-признаемъ; но отдѣльные кружки, какъ мы уже достаточно объяснили выше, не корпорація. Чѣмъ же сдѣлается тогда университетъ, скажутъ намъ? Настоящимъ университетомъ, отвѣтимъ мы, съ сильною корпораціею профессоровъ, имѣющею воспитательное вліяніе на слушателей, изучающихъ науку свободно, по призванію, и, слѣдовательно, идущихъ такимъ путемъ, который единственно только и можетъ привести къ знанію; но устранятся отъ университета только тѣ подводные камни корпоративнаго устройства, о которые сокрушаются теперь многіе студенты, не дошедши до цѣли.

Представимъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, въ короткихъ словахъ, тѣ основанія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы устроить наши университеты:

а) Корпорація профессоровъ сохраняется во всей силѣ.

б) Студентская корпорація уничтожается отмѣною приѣмныхъ и переводныхъ испытаній, обязательнаго посѣщенія лекцій и всѣхъ особыхъ студентскихъ правъ.

в) Къ слушанію лекцій допускаются всякаго рода лица, безъ различія званія, пола и возраста, съ извѣстною, умѣренною, зато, платою, отъ которой

было бы, однако, желательно освобождать лицъ дѣйствительно-недостаточнаго состоянія.

г) Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.

д) Испытанія слушателей на ученныя степени производятся съ усиленною строгостію, и къ испытаніямъ этимъ допускаются только лица, представившія свидѣтельства, выданныя имъ изъ гимназій, о знаніи полного гимназическаго курса.

Не можемъ не замѣтить при этомъ, что приведеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе не было бы и рѣзкимъ переворотомъ; на такомъ почти основаніи въ нашихъ университетахъ и теперь слушаютъ лекціи такъ-называемые вольнослушающіе; значитъ, вся реформа состояла бы только въ томъ, чтобы положеніе о вольнослушающихъ сдѣлать общимъ для всѣхъ слушателей лекцій, безъ различія.

Руководимые глубокимъ сознаніемъ важности университетовъ для благосостоянія нашего отечества, мы изложили наши мысли съ полною откровенностью, стараясь разсмотрѣть этотъ вопросъ съ возможною, въ газетной статьѣ, полнотою, а потому просимъ всѣхъ ревнителей блага общественнаго, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которымъ ближе знакомы наши университеты, указать намъ на наши недомолвки и ошибки. Пусть докажутъ намъ, что мы смотримъ на это дѣло невѣрно, и мы первые отступимъ отъ своего мнѣнія.

Въ заключеніе, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи тѣхъ, которые лучшею реформою университетовъ считаютъ обраще-

ніе ихъ въ совершенно-закрытыя заведенія, съ строгимъ внутреннимъ надзоромъ за студентами, въ нихъ живущими. По причинамъ, которыя мы выскажемъ въ другой разъ и которыя, по важности своей, требуютъ подробнаго развитія, далеко-превосходящаго предѣлы настоящей статьи, мы считаемъ осуществленіе такого плана рѣшительно невозможнымъ и положительно-вреднымъ. Замѣтимъ здѣсь только одно, что такой закрытый университетъ будетъ корпораціею, болѣе - полною, чѣмъ теперешніе наши открытые университеты, а къ чему приводитъ корпорація, мы уже указали; значить, такая реформа не поправитъ, а только еще больше запутаетъ дѣло.

Санктпетербургъ.

10-го ноября.

ПЕДАГОГЪ.

А. Воронцовъ

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 13 ноября 1861 г.
Ценсоръ *Ф. Разманиновъ.*

(Изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей № 252, 1861 г.)

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

232
396

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ:

„МЫСЛИ О НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ“.

По-поводу статьи моей: «Мысли о нашихъ университетахъ», въ 47 № «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника» сдѣлано нѣсколько замѣчаній, на которыя я долгомъ считаю съ своей стороны представить возраженія, не для поддержанія безплодной полемики, а единственно въ видахъ большаго разъясненія столь-важнаго вопроса, какъ устройство нашихъ университетовъ. «Мы находимъ ихъ» (т.-е. выводы петербургской теории новаго университетскаго устройства), сказано здѣсь, «преимущественно въ статьѣ, помѣщенной въ 252 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», за подписью: «Педагогъ». Уничтоженіе студенческаго званія, уничтоженіе вступительнаго экзамена и переходныхъ экзаменовъ—вотъ отрицательная сторона этихъ выводовъ. Серьезный выпускной экзаменъ, вотъ всё, что остается отъ преж-

наго университетскаго устройства, по отношенію къ университетскому юношеству. Прочитавъ внимательно эту статью, мы долгомъ считаемъ сказать ея автору, что еслибы онъ описывалъ какой-нибудь существующій университетъ, то мы бы, пожалуй, еще согласились съ нимъ, что *этотъ университетъ соответствуетъ своей цѣли*. Но бѣда въ томъ, что онъ *не описываетъ существующаго, а проектируетъ новое, и притомъ для Россіи*. Тутъ мы съ нимъ совершенно расходимся». Сличая эту выписку съ другими мѣстами «Современной Лѣтописи», гдѣ сторонники нашего мнѣнія, съ которыми, впрочемъ, мы далеко не во всѣмъ согласны, обвиняются въ стремленіи уничтожить наши университеты, произвести въ нихъ всеобщую ломку, и создать, вмѣсто-того, что то новое, нигдѣ еще небывалое, я не могу не вывести отсюда заключенія, что значительная доля этихъ обвиненій падаетъ и на меня. Справедливо ли это, постараюсь объяснить какъ-можно-короче, избѣгая пышныхъ фразъ и ученыхъ выраженій, отъ которыхъ самое дѣло выигрываетъ немного.

Что предложено въ моемъ планѣ новаго, будто-бы нигдѣ несуществующаго?

Во первыхъ, я оставляю во всей силѣ нынѣ-существующую профессорскую корпорацію, и если желаю, въ этомъ отношеніи, переменъ, то онѣ относятся къ улучшенію личнаго состава этой корпораціи, къ приданію ей настоящаго значенія и наибольшей самостоятельности. Съ этимъ согласна и редакція «Современной Лѣтописи», судя по

мыслямъ, высказаннымъ ею объ этомъ предметѣ въ 46 № «Лѣтописи».

Во-вторыхъ, я считаю болѣе-болѣзненнымъ уничтоженіе приѣмныхъ испытаній, съ допущеніемъ, затѣмъ, къ слушанію университетскихъ лекцій всѣхъ желающихъ. И эта мѣра не новостъ: въ нашихъ университетахъ и теперь есть вольнослушающіе, посѣщающіе лекціи именно на этомъ основаніи; значитъ, и здѣсь вся перѣмена состоитъ только въ томъ, чтобы положеніе о вольнослушающихъ сдѣлать общимъ для всѣхъ слушателей лекцій, безъ различія. Другое дѣло: редакція «Современной Лѣтописи» можетъ не соглашаться со мною въ пользѣ допущенія вольнослушающихъ въ университеты — всякій имѣетъ свой взглядъ, и противъ этого спорить напрасно; но гдѣ же тутъ ломка? Редакція «Лѣтописи» можетъ также не сходиться со мною въ томъ, что слушатели не замѣняютъ собою студентовъ; я же позволяю себѣ думать, что дѣло — не въ названіи, а въ дѣлѣ: для слушанія съ пользою даровитаго и способнаго профессора нѣтъ надобности имѣть патентъ на извѣстное званіе, а довольно одной любви къ наукѣ и достаточной умственной развитости. Ядро же слушателей, по нашему глубокому убѣжденію, именно будетъ заключать въ себѣ эти свойства, уже потому, что къ испытанію на ученія степени допускаются, по нашему плану, только лица, предъявившія свидѣтельства, выданныя имъ изъ гимназій, о знаніи полного гимназическаго курса. Редакція «Современной Лѣтописи» можетъ также отвергать

возможность духовной связи между профессорами и такими слушателями, допуская, однако, эту связь между профессорами и студентами; я же думаю, что духовная связь всегда будет существовать между профессоромъ и ядромъ его аудиторіи, какъ бы ни назывались сидящіе въ ней—студентами или слушателями, если только профессоръ, силою своего таланта, сумѣетъ возбудить эту связь. Далѣе, я позволяю себѣ утверждать, не по теоріи, какъ полагаетъ редакція «Лѣтописи», а по близкому знакомству съ студентскимъ бытомъ, что и духъ товарищества, важность котораго я признаю, вмѣстѣ съ моими противниками, будетъ точно-такъ-же существовать и между слушателями, какъ существуетъ теперь между студентами, но только основаніемъ его будутъ служить не внѣшность, не принадлежность къ одному сословію, а сродство занятій и взаимныя симпатіи. Гдѣ крѣпче и сильнѣе связи товарищества, предоставляю судить объ этомъ читателямъ и, въ-особенности, лицамъ, ближе знающимъ университетскую жизнь.

Наконецъ, по вопросу о вольнослушающихъ я не могу сдѣлать здѣсь еще одного замѣчанія: число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается въ нашихъ университетахъ; это—фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія; всё, что существуетъ, должно имѣть основаніе, а потому едвали, по моему мнѣнію, справедливо, пренебрегая фактомъ, порицать такую мѣру, которая клонится только къ распространенію уже существующаго на дѣлѣ.

Въ-третьихъ, я признаю, по причинамъ, кото-

рыя изложены въ статьѣ моей, переходные экзамены вредными, или, по-мѣньшей мѣрѣ, бесполезными, а потому предлагаю ихъ отмѣну. И это — не новостъ: въ германскихъ университетахъ нѣтъ переходныхъ испытаній, они почти не существуютъ и у насъ въ университетахъ дерптскомъ и св. Владиміра. «Мы знаемъ», сказано, въ 47 № «Современной Лѣтописи», «русскихъ студентовъ изъ жизни, а не по теоріи. Оставляя ихъ безъ всякой поддержки (то-есть безъ переходныхъ экзаменовъ) и подвергать, потомъ, строгому выпускному экзамену, это вовсе не означаетъ доброжелательства къ нимъ; но просто значить — ставить имъ ловушку. Студенты пострадаютъ отъ того, и будутъ осыпаться васъ потомъ проклятіями, а дѣло порядка нисколько не выиграетъ.» Не преувеличенъ ли такой упрекъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно спросить германскихъ студентовъ, или даже нашихъ дерптскихъ и кіевскихъ, проклинають ли они кого за то, что у нихъ нѣтъ переходныхъ экзаменовъ, занимаются ли они отъ этого меньше и, вообще, влечетъ ли это за собою разрушеніе порядка. Вѣдь только положительный отвѣтъ ихъ и можетъ рѣшить этотъ споръ, а между-тѣмъ, я не могу не сказать, что, сколько мнѣ извѣстно, тамъ всѣ довольны такою системою, и не считаютъ отсутствія ея отнятіемъ у студентовъ извѣстнаго права, какъ утверждаетъ «Современная Лѣтопись», признавая переходные экзамены правомъ, которымъ будто-бы дорожатъ студенты.

Въ-четвертыхъ, я предлагалъ усилить требованія испытаній на полученіе ученой степени. И это не новая мѣра, а только улучшеніе нынѣ-существующей, что признаётъ и «Современная Лѣтопись», хотя полагаетъ, что съ уничтоженіемъ переходныхъ испытаній посѣтителѣ университетскихъ лекцій будутъ заниматься слабѣе и, вслѣдствіе того, непременно упадутъ и экзамены на ученые степени. «Обыкновенные экзаминаторы», говоритъ она, «соображаютъ свои требованія съ познаніями экзаменующихся. Едвали какой-нибудь экзаминаторъ рѣшится забраковать *всѣхъ* экзаменующихся; предъ такимъ шагомъ невольно остановится даже человѣкъ, совершенно-свободный отъ слабости популярничанья.» Все это было бы справедливо, еслибъ дѣйствительно было доказано, что отсутствіе переходныхъ испытаній способствуетъ ослабленію занятій въ такой степени, что на окончательномъ испытаніи экзаминатору пришлось бы или *всѣхъ* браковать, или ко *всѣмъ* быть снисходительнымъ, вопреки справедливости. Еслибъ это было такъ, то въ Германіи, напримѣръ, давно уже упала бы наука, а дерптскій нашъ университетъ нужно было бы закрыть, по его безполезности. Опытъ показываетъ, однако, противное, лучше всякихъ словъ.

Въ-пятыхъ, я отвергалъ опредѣленные сроки на слушаніе лекцій и обязательное ихъ посѣщеніе; но то и другое осуществлено уже, по-крайней-мѣрѣ на-дѣлѣ, въ германскихъ университетахъ, а обязательность посѣщенія лекцій не существуетъ

фактически и въ нашихъ университетахъ, потому-что нѣтъ ни средствъ, ни возможности поддерживать это начало на-дѣлѣ.

Приводя все вышесказанное къ одному знаменателю, мы спрашиваемъ, гдѣ та ломка и разрушеніе университетовъ, которыя будто-бы предлагаются нами, гдѣ то уничтоженіе всего стараго и введеніе всего новаго, о которомъ упоминаетъ «Современная Лѣтопись»,—тогда-какъ ни одна изъ мѣръ, высказанныхъ нами, не можетъ быть названа даже новою, а каждая изъ нихъ есть только приложеніе къ дѣлу, или дальнѣйшее развитіе того, что уже существуетъ въ германскихъ или нашихъ университетахъ. Пора ли для нашихъ университетовъ сдѣлать этотъ шагъ впередъ, это — иной вопросъ; мы полагаемъ, что пора, предоставляя нашимъ противникамъ полную свободу думать иначе.

Предлагая планъ нашъ въ общихъ чертахъ, мы не могли коснуться разныхъ его подробностей, а потому, въ заключеніе настоящей нашей замѣтки, нужнымъ считаемъ возразить еще противъ двухъ замѣчаній, сдѣланныхъ намъ въ томъ же 47 № «Современной Лѣтописи». «Назвавъ студентовъ вольными слушателями», сказано тамъ, «вы лишите ихъ права на стипендіи, очень-важнаго, безъ котораго университетъ уже никакъ не можетъ благоденствовать; вы лишите ихъ наконецъ, многихъ гражданскихъ правъ, имѣющихъ большое значеніе для податныхъ состояній.» По нашему мнѣнію, изъ плана нашего никакъ не вытекаютъ такіа

послѣдствія. Стипендіатами могутъ быть такъ же удобно слушатели, какъ и студенты, и дѣйствительность ихъ занятій можетъ и должна быть повѣряема разными способами, помимо переходныхъ испытаній, которыя притомъ, какъ мы уже замѣтили въ нашей статьѣ, служатъ плохую повѣрку. Способы эти могутъ заключаться въ репетиціяхъ, частныхъ бесѣдахъ профессоровъ съ степендіатами, въ задачахъ, особо имъ предлагаемыхъ, въ письменныхъ отчетахъ о занятіяхъ и т. п.

Мы не понимаемъ также, почему уничтоженіе студенческаго званія будетъ для многихъ лишеніемъ разныхъ гражданскихъ правъ. Въ настоящее время, правами студента пользуются только лица, выдержавшія вступительный экзамень, т.-е. доказавшія знаніе предметовъ полного гимназическаго курса, а вольнослушающіе, неокончившіе гимназическаго курса, не имѣютъ никакихъ особыхъ правъ, кромѣ принадлежащихъ имъ по ихъ состоянію. Съ обращеніемъ всѣхъ студентовъ въ слушателей будетъ то же самое: тѣ изъ нихъ, которые прошли гимназическій курсъ, или выдержали предварительное въ немъ испытаніе, сохранятъ настоящія свои права, потому-что права эти даются знаніемъ гимназическаго курса, а не однимъ названіемъ студента; прочіе же будутъ находиться въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ нынѣшніе вольнослушающіе, неокончившіе гимназическаго курса. Кажется, ясно, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакой перемѣны, никакого уменьшенія чьихъ бы то ни было правъ. Ограни-

чимся этими замѣтками, вызванными, повторимъ еще разъ, однимъ только искреннимъ желаніемъ разъяснить вопросъ объ устройствѣ нашихъ университетовъ; а потому на каждое возраженіе, сдѣланное намъ, готовы и впредь всегда отвѣчать спокойно и безъ всякаго раздраженія, если только найдемъ, что отвѣтъ нашъ можетъ быть полезенъ дѣлу.

Санктпетербургъ.
1 го декабря 1861 года.

ПЕДАГОГЪ.

А. Вороновъ

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 18 декабря 1861 г.
Цензоръ Ф. Рахманиновъ.

(Изъ Санктпетерб. Вѣдомостей № 272, 1861 г.)

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

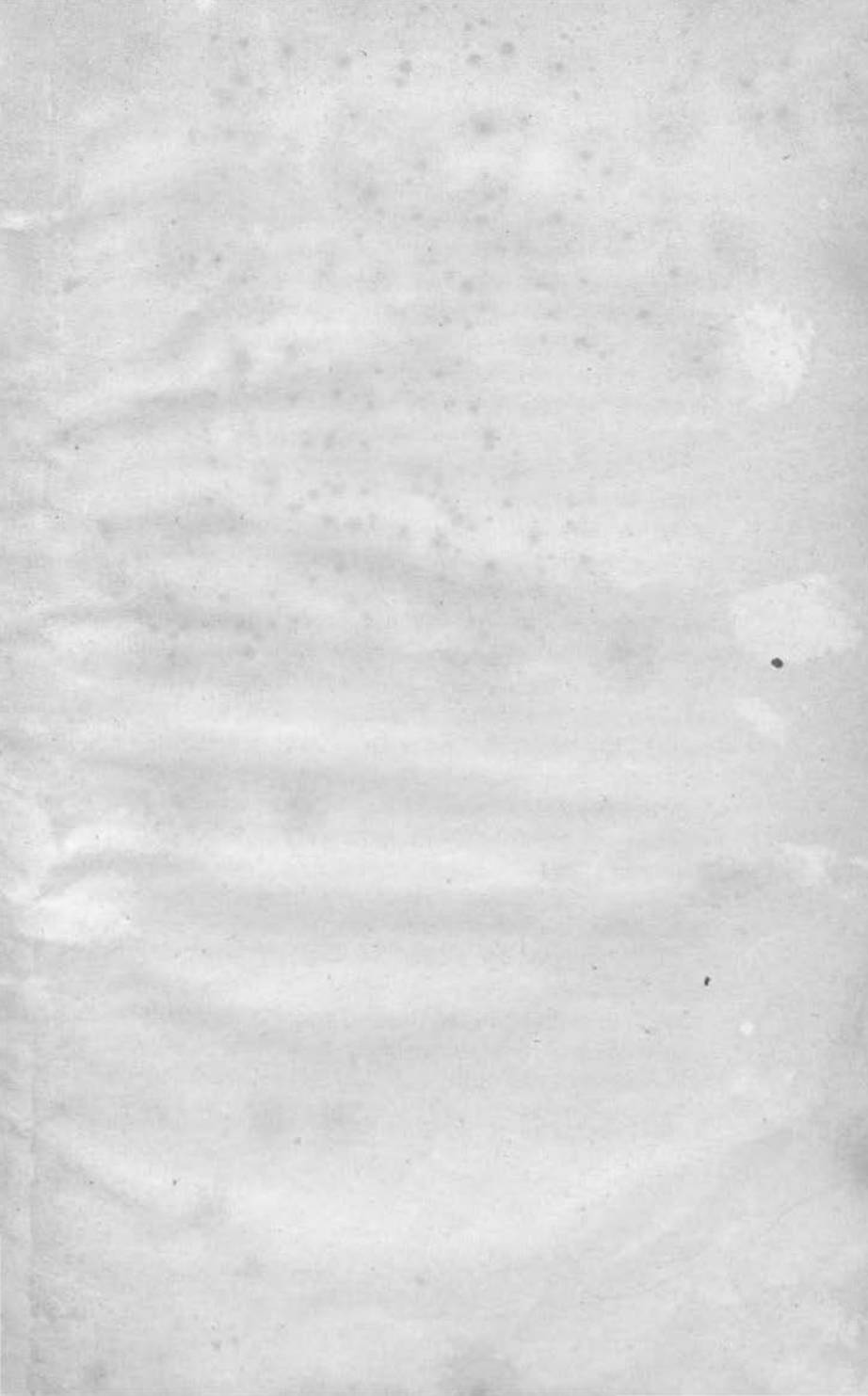
THESE THINGS BEING CONSIDERED, THE
FOLLOWING CONCLUSIONS WERE REACHED:
1. THE DATA OBTAINED FROM THE
EXPERIMENTAL WORK OF THE
RESEARCHERS IN THIS FIELD ARE
SUFFICIENTLY ACCURATE TO
ALLOW THE FORMULATION OF
A THEORY OF THE PHENOMENON.
2. THE THEORY IS IN
AGREEMENT WITH THE
OBSERVATIONS.

REMARKS:
A. B. JONES

REMARKS: THE DATA OBTAINED FROM THE
EXPERIMENTAL WORK OF THE
RESEARCHERS IN THIS FIELD ARE
SUFFICIENTLY ACCURATE TO
ALLOW THE FORMULATION OF
A THEORY OF THE PHENOMENON.

THESE THINGS BEING CONSIDERED, THE
FOLLOWING CONCLUSIONS WERE REACHED:

1. THE DATA OBTAINED FROM THE
EXPERIMENTAL WORK OF THE
RESEARCHERS IN THIS FIELD ARE
SUFFICIENTLY ACCURATE TO
ALLOW THE FORMULATION OF
A THEORY OF THE PHENOMENON.

MS
10

2007079074